

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:

события, оценки, прогнозы

ISSN 2587-7518

Выпуск 51(67)
2018

СОДЕРЖАНИЕ

**ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ
В СФЕРЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИЯ – НАТО**

Татьяна Пархалина

**КРАЙНИЙ СЕВЕРНЫЙ ФЛАНГ НАТО:
ВОПРОСЫ УСИЛЕНИЯ ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ**

Филипп Трунов

**ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ
И КРИЗИС СТАРОГО МИРОПОРЯДКА**

Андрей Белинский

**«МЯГКАЯ СИЛА» СЕТЕВЫХ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Андрей Манойло

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИНИОН РАН)

ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ В СФЕРЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИЯ – НАТО

Татьяна Пархалина,

зам. директора ИНИОН РАН,

президент Ассоциации евро-атлантического сотрудничества

Ключевые слова: Евро-атлантическая система безопасности, отношения Россия – НАТО, сдерживание, Совет Россия – НАТО.

Вызовы в сфере международной и евро-атлантической безопасности, к коим следует отнести острейший кризис в отношениях России и Запада, одной из причин которого является развитие событий в Украине в конце 2013 – начале 2014 гг. и российской операция в Крыму в марте того же года; нынешнее состояние трансатлантических отношений и попытки администрации США взламывать ту систему договоров и соглашений, которая сложилась при предыдущих администрациях, кризис системы контроля над вооружениями; миграционный кризис в Европе, вызванный конфликтным развитием на Ближнем Востоке, состояние американо-китайских отношений, грозящих перейти в настоящую торговую войну двух мощных экономических игроков; Брекзит с пока еще неизвестными последствиями как для самой Великобритании, так и для Евросоюза в целом, – имеют следствием разбалансировку системы взаимодействия государств на мировой арене.

Последняя за почти 30 лет после распада СССР и Советского блока прошла очень сложный путь от биполярной конфронтации и реального противостояния в Европе двух блоков – до однополярности (с доминированием США) – затем многополярности – и вступила в начало фазы бесполярности¹, которая будет иметь следствием снижение значения государства и традиционных для второй половины XX в. международных организаций. Одновременно возрастает роль негосударственных акторов, способных оказывать политическое, экономическое и военное воздействие на процессы формирования нового мирового порядка, который по всей вероятности, явится не результатом мировой войны или глобального конфликта, но серии локальных кризисов и войн, которые уже происходят в ряде регио-

нов, таких как Восточная Европа, Ближний Восток, Афганистан, Африка и ряд других.

Учитывая крайнюю напряженность в российско-американских отношениях, ситуацию в Украине и Сирии, распространение ядерного оружия (его наличие у все большего числа акторов), вероятность гонки новых вооружений (гиперзвук, лазер, боевые дроны), возможность выхода США и России из Договора по ракетам средней и меньшей дальности (обе стороны обвиняют друг друга в его нарушении), а затем из Договора ОСВ-3, отказ Вашингтона от двусторонних встреч по кибербезопасности, в ответ на что произошел отказ Москвы от встречи по стратегическим вопросам (в Вене), а также санкционную политику Белого дома, – приходится констатировать, что уровень напряженности в настоящее время является самым высоким с конца 80-х годов прошлого века.

Характеризуя отношения НАТО – Россия с начала 2014 г. следует иметь в виду очень важный момент – хотя наблюдается достаточно жесткая позиция в отношении РФ, тем не менее следует констатировать и определенную стратегическую сдержанность. Попытаемся проанализировать действия НАТО, подтверждающие данный тезис.

1 апреля 2014 г. в ответ на действия России в Крыму НАТО приостановила все виды практического сотрудничества по линии Совета Россия – НАТО, объясняя свою позицию тем, что «бизнес как прежде невозможен». Вместе с тем работа самого Совета не была заморожена: за период с 2014 по 2018 г. он собирался несколько раз (а точнее восемь) на уровне послов. Справедливости ради следует отметить, что послы обменивались взаимными обвинениями, вследствие чего результаты заседаний были практически нулевыми. Решения Уэльского саммита (2014) свидетельствовали о том, что НАТО от политики отражения новых угроз вернулась к истокам – к обеспечению коллективной обороны. В декларации по итогам саммита отмечалось, что План действий по готовности НАТО (NATO Readiness Action Plan) является ответом «на применение средств безопасности на границах Альянса», на вызовы, порожденные Россией

¹ Richard Haass The Age of non-polarity, Foreign Affairs, 2008, May-June.

и на их стратегические последствия»¹. План предполагал постоянное присутствие триады вооруженных сил и существенную военную активность НАТО в восточной зоне на ротационной основе.

Варшавский саммит Альянса 2016 г. продемонстрировал готовность трансатлантических союзников пойти на символическое укрепление (в виде четырех батальонов по 1 тыс. человек каждый) оборонных структур на восточном направлении, но **неготовность пожертвовать Основополагающим Актом Россия – НАТО 1997 г.**, на чем настаивал ряд стран Центральной и Восточной Европы (речь шла о том положении ОА, где говорилось об отказе НАТО от постоянного размещения существенных боевых сил в новых районах базирования)².

В начале 2018 г. Генсек Альянса Столтенберг даже сделал заявление, согласно которому он призвал союзников учитывать тот факт, что они имеют дело с «более самоуверенной Россией». «Мы не хотели бы повторения холодной войны и гонки вооружений, мы выступаем за политический диалог с Москвой»³. В начале 2018 г. начальник Генерального штаба МО РФ Г. Герасимов посетил штаб-квартиру НАТО и вел переговоры с официальными военными представителями Альянса, в ходе которых затрагивались такие вопросы, как ситуация в Украине, в Афганистане, транспарентность военной деятельности и снижение рисков военных столкновений (здесь следует подчеркнуть, что только в 2016 г. в регионе Балтийского моря произошло более 60 военных инцидентов в воздушном пространстве между самолетами РФ и стран НАТО).

Брюссельский саммит Альянса по отношению к России подтвердил принцип 3D (от английского «Defense and Deterrence and Dialogue» – сдерживание и укрепление обороны и диалог), который в каком-то смысле, на другом историческом отрезке повторяет принцип доклада П. Армеля 1967 г. в отношении СССР – сдерживание и разрядка (Deterrence and Détente). Альянс одобрил инициативу, направленную на усиление боевой готовности и совершенствование способности быстрого реагирования – «4 по 30». Предполагается, что из общего числа вооруженных сил стран-участниц будет выделено дополнительно 30 кораблей ВМФ, 30 тяжелых и средних маневренных батальонов, 30 боевых вооруженных эскадрилий, которые смогут в течение 30 дней или даже раньше приступить к выполнению боевых задач. Все подразделения должны находиться в состоянии полной боевой готовности. Не вызывает сомнений, что данная мера направлена на сдерживание России в случае начала ею боевых

действий против одного из государств – членов Альянса. И хотя российские представители на самом высоком уровне повторяют, что не имеют ни намерений, ни планов начинать военные действия против Альянса, в условиях тотальной потери доверия члены НАТО предпочитают подстраховаться в условиях, когда процесс принятия решений в Альянсе – гораздо более длительный (учитывая различные согласования между национальными правительствами), нежели в Российской Федерации.

Кроме того, на восточном фланге к концу 2018 г. будет создан многонациональный штаб дивизий «Северо-Восток», в дальнейшем существуют планы создания многонационального дивизионного штаба (по предложению Латвии, Эстонии и Дании). В Румынии создана многонациональная бригада для обучения сухопутных войск стран – участниц НАТО. Укрепляются силы быстрого реагирования Альянса.

Российские военные и эксперты неоднократно высказывались по поводу того, что подобные меры не представляют угрозу интересам национальной безопасности РФ. Однако политики и пропагандисты использовали эти решения для нагнетания напряженности в отношениях между Россией и Западом, Россией и НАТО. Нет сомнения в том, что Россия предпримет ответные меры. Таким образом, продолжается существование в парадигме взаимного сдерживания.

Представители НАТО утверждают, что все меры сдерживания являются пропорциональными и транспарентными, а это поможет избежать рисков военного столкновения.

В конце октября 2018 г. состоялось заседание Совета Россия–НАТО. Новой темой Совета является противостояние гибридным угрозам. Это является значимым моментом в условиях, когда в НАТО создаются группы поддержки по борьбе с гибридными угрозами, которые будут представлять адресную, целевую поддержку государствам-членам. Сам факт обсуждения этих вопросов может способствовать снижению недоверия обеих сторон в случае предметного и заинтересованного обсуждения, когда Россия и члены Альянса не просто будут обвинять друг друга, но попытаются разработать совместные подходы по отражению новых видов угроз. Обсуждались также вопросы по урегулированию в Афганистане, в Украине (по Украине в НАТО существует консенсус, отражающий позицию обязательного выполнения Россией Минских договоренностей, что является проблематичным, поскольку Россия не признает себя стороной конфликта), по снижению рисков военных столкновений, по возможному выходу США из Договора РСМД. По последнему вопросу обращает на себя внимание тот факт, что лидеры отдельных стран – участниц НАТО и ЕС артикулировали свою обеспокоенность, связанную с крушением всей системы контроля над вооруже-

¹ Wales Summit Declaration, p. 8.

² Основополагающий Акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между РФ и НАТО, 27 мая 1997 г.

³ 3 января 2018 г.

ниями (так как выход США из ДРСМД неизбежно влечет за собой выход из ОСВ-3). НАТО же заняла консолидированную позицию в поддержку США. А Генсек Альянса 4 декабря 2018 г. даже выступил с заявлением, что России предоставляется последний шанс ликвидации нарушений по выполнению СМД, что «Россия разработала и развернула ракетную систему 9 М 729, что нарушает договор и представляет существенный риск евро-атлантической безопасности»¹.

Суммируя ряд тезисов, исходящих от руководителей Альянса, можно сделать следующие выводы. Стратегии в отношении РФ в НАТО нет. Россия рассматривается не как основная, но как потенциальная угроза. Не признавая состояния холодной войны с Россией, руководители Альянса призывают использовать позитивный опыт холодной войны, а именно – вырабатывать новые меры доверия, продолжать диалог по тем вопросам, где это возможно, восстанавливать мировой порядок, основанный на определенных правилах поведения, избегать военной конфронтации, сокращать военные риски, сохранять наличие связи между военными, не разворачивать существенные военные контингенты в приграничных с Россией районах. Существует ряд требований со стороны Альянса к России, без которых, как там считают, невозможно размораживание отношений, среди них – прогресс в реализации Минских соглашений, возвращение к Венским договоренностям и ряд других.

Какие, на наш взгляд, существуют окна возможностей для ограниченного, но все же сотрудничества. Во-первых, сфера контроля над вооружениями. И хотя в НАТО часто говорят о том, что это – ответственность ОБСЕ тем не менее представляется, что в рамках Совета Россия – НАТО эта проблематика может и должна обсуждаться. Дело в том, что выход США из Договора РСМД создает ситуацию, когда Европа может стать мишенью для российских ракет малой и средней дальности. Поэтому возникает ситуация, когда европейские страны – участницы Альянса и Россия могут взаимодействовать в процессе убеждения американской администрации не вставать на путь слома всей системы контроля. При этом, безусловно, следует иметь в виду, что европейские страны не признают кризиса в трансатлантических отношениях, ссылаясь на то, что США консолидировано поддержали почти все 100 решений Брюссельского саммита и, несмотря на ряд экзотических деклараций президента Трампа, способствуют укреплению НАТО и трансатлантической солидарности.

Еще одной возможностью для сотрудничества является Афганистан, где взаимодействия не прекращались ни в период Кавказского кризиса 2008 г., ни после 2014 г. несмотря на замораживание иных

направлений. Объясняется это тем, что обострение ситуации в Афганистане представляет реальную угрозу безопасности как странам – участницам НАТО, так и России. До 2014 г. Афганистан был одним из самых разработанных и удачных примеров того, как стороны, даже если они имеют не во всем совпадающие интересы, могут продуктивно взаимодействовать.

Кибербезопасность является той сферой, где необходима разработка и принятие норм и стандартов поведения сторон, от которых зависит отказ от эскалации на других направлениях.

Россия и НАТО находятся по разные стороны баррикад в двух региональных конфликтах – в Сирии и на Юго-Востоке Украины. Ситуация в них разная: в первом случае обе стороны ведут борьбу с ИГ, но при этом по-разному понимают цели урегулирования и делают ставку на различные силы, зачастую противоборствующие. На Юго-Востоке Украины ситуация иная, но не менее сложная. НАТО и Запад в целом одним из условий восстановления отношений выдвигают выполнение Россией Минских договоренностей. РФ же не признает себя стороной Минских соглашений и всю вину возлагает на Киев. При этом следует иметь в виду, что в течение определенного периода после начала операции российских ВКС в Сирии, российские внешнеполитические дизайнеры полагали, что данная операция может стать своеобразным «game changer» в конфликте между РФ и Западом по поводу Украины. Этого не произошло, поскольку Запад четко разделил два трека – ближневосточный и украинский. Москва, однако, вернулась в качестве одного из основных игроков на Ближний Восток и прорвала в определенный момент «изоляционный занавес».

Обстановка в обоих регионах и ее последствия – а именно существование России и НАТО в парадигме сдерживания и постоянного тестирования обороны друг друга, привели к необходимости отражения рисков военного столкновения. А это требует сохранения постоянных каналов связи между Генштабом МО РФ и представителями европейского командования НАТО (SACEUR), что, безусловно, является позитивным моментом в условиях кризиса.

Остро необходима разработка новых мер доверия в военно-политической области, возврат к мировому порядку, основанному на принятых всеми правилами поведения, которые соответствовали бы международному праву.

После 2014 г. наблюдается милитаризация жизни и сознания прежде всего в России, но и в странах евро-атлантического сообщества. Стереотипы времен холодной войны 50–80-х годов XX в., которые, как казалось, ушли в небытие вместе с тем периодом, вновь вырвались наружу и определяют не только общественное сознание, но и процесс принятия решений в России и в странах Запада. Необходимы

¹ BBC News. December 4, 2018 г.

прорывные решения в сфере стратегической стабильности, контроля над вооружениями, разработка новых мер доверия, что позволило бы обеим сторонам преодолеть синдром «возврата к прошлому», когда кажется, что все усилия 1990–2000-х годов, направленные на формирование стратегического партнерства, оказались напрасными.

В условиях геополитических неопределенностей, характеризующих сегодня все аспекты безопасности – военно-политический, экономический, социальный, гуманитарный – необходимы усилия экспертных сообществ России и стран Евро-Атлантики для разработки ответов на обозначившиеся вызовы и риски.

КРАЙНИЙ СЕВЕРНЫЙ ФЛАНГ НАТО: ВОПРОСЫ УСИЛЕНИЯ ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ

Филипп Трунов,

старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН

Ключевые слова: Отношения Россия – НАТО, Арктический регион, военное и военно-гражданское присутствие в Арктике, военный потенциал.

Процесс затяжного и глубокого ухудшения отношений Запада и России одной из своих ключевых производных имеет ускорение наращивания военных потенциалов сторон в Арктическом регионе. Причем если РФ стала осуществлять значимые шаги на данном направлении (в частности, создание сети автономных военных баз на островах Северного Ледовитого океана и модернизация ледокольного флота всех классов судов) еще с начала 2010-х годов, то страны – участницы НАТО – лишь с середины десятилетия. В этой связи возникает вопрос: какую направленность будет иметь линия западных стран по наращиванию военного присутствия в регионе: будут ли это преимущественно симметричные или асимметричные шаги? Отправной точкой для поиска ответа на данный вопрос является сравнительный анализ потенциала России и Запада с учетом фактора влияния природно-географических условий на использование вооруженных сил в Арктике.

Возможности применения (особенно быстрого развертывания оперативно-стратегических группировок) войск на Крайнем Севере для стран – участниц НАТО существенно отличаются от других региональных направлений. Во-первых, свыше 95% всех арктической площади занимают водные просторы. Де-юре этот факт, учитывая, что США, Канада и Норвегия (в меньшей степени – Дания) тра-

диционно стремились наращивать и использовать именно морскую компоненту своего военного могущества, должен облегчать их стратегическое закрепление в регионе. Однако отсутствие сильных (и, главное, сопоставимых с Россией) ледокольных флотов на фоне длительного (до восьми месяцев в году) замерзания практически всех акваторий СЛО создает первую серьезную преграду на пути динамичного наращивания присутствия стран – участниц НАТО в регионе. Так, ледокольный флот России состоит из пяти атомных («Ямал», «50 лет Победы», «Вайгач», лихтеровоз-контейнеровоз «Севморпуть», а «Советский Союз» в эксплуатационном резерве)¹ и 31 дизель-электрический ледокол, основная масса которых подчинена администрации Северного морского пути, т.е. может быть оперативно использована как для гражданских, так и военных целей. В 2019–2022 гг. на смену данным, введенным в эксплуатацию еще в 1980–1990-е годы, ледоколам должны прийти новые типа «Арктика» (одноименный, «Урал», «Сибирь»). Это позволит России обеспечить постоянное присутствие не только во всех морях ее сектора СЛО, но и в глубине Северного Ледовитого океана круглогодично.

Отсутствие атомных ледоколов (с автономностью плавания до шести месяцев) у западных стран сводит к минимуму их возможности по присутствию в удаленных районах Арктики. Достаточно ограни-

¹ Атомный ледокольный флот // Росатом. – Режим доступа: <https://www.rosatom.ru/production/fleet/>

ченным являются по составу и ледокольные эскадры западных стран: США имеют лишь три изношенных тяжелых дизельных ледокола (еще два планируются к постройке), Канада – четыре (при формальной численности в 17 единиц; планируется постройка еще четырех), Дания – четыре, Норвегия – один¹. Если в норвежском случае фактор теплого течения Гольфстрим позволяет обеспечивать круглогодичную морскую связь между пунктами дислокации воинских частей на арктическом побережье, то перед другими западными странами эта проблема стоит в полный рост.

Планируемые объемы обновления ледокольного флота позволят западным странам лишь компенсировать потери в виде выходящих из строя судов, но не дадут де-факто нарастить парк. Соответственно, в самой Арктике на протяжении большей части календарного года (с ноября по май) западные страны как минимум на десятилетнюю перспективу не смогут конкурировать с РФ в деле обеспечения морского присутствия. Осознавая это, западные страны прорабатывают возможность асимметричной меры: отрезания возможностей для перехода судов Северного флота РФ (как надводных, так и подводных) из СЛО в другие океаны – в первую очередь, омывающие Европу с севера акватории. Так, высокопоставленные офицеры НАТО не исключают начала «Четвертой битвы за Атлантику», т.е. реализации комплекса мер по недопущению выхода основных сил в Атлантический океан российского Северного флота. Из всех группировок ВМС России он наиболее мощен по своему составу. Так, в его состав входит авианосная группа (ТАВКР «Адмирал Кузнецов»), эскадра новейших атомных подводных крейсеров и вновь созданная в 2018 г. специальная дивизия глубоководных сил (на вооружении которой стоят атомные глубоководные станции типа «Кашалот», «Палтус» и «Калитка» с глубиной погружения до 6 тыс. м)². При этом в подчинении объединенного стратегического командования «Северный флот» входят практически все войска в субарктической зоне, что позволяет России быстро разворачивать межвидовые группировки войск на избранных направлениях.

В реалиях середины – второй половины 2010-х годов возможности для реализации тактики A2 / AD³ в отношении Северного флота со стороны США и их партнеров по НАТО весьма ограничены. Так, арктические государства из числа стран – участниц блока не создали ни единого командования своими войска-

ми в арктической зоне, ни даже центра координации. Де-факто особую позицию демонстрируют Канада и Дания. Первая стремится не допустить интернационализации Северо-Западного прохода (эксплуатация которого крайне выгодна экономически), вторая не может не опасаться стремления инуитского большинства Гренландии (52 тыс. из 57 тыс. жителей⁴) к обретению самостоятельности от королевства. Дания имеет собственное отлаженное национальное управление по обеспечению безопасности Гренландии и Фарерских о-вов⁵. Однако официальный Копенгаген не торопится инициировать создание на его основе управления с участием всех стран – участниц НАТО. Это обусловлено опасениями того, что это командование превратится во многом в рычаг для продвижения Соединенными Штатами своих интересов (в первую очередь, экономических) – прежде всего, посредством надавливания на указанные «болевы точки». Не способствует увеличению взаимопонимания по Арктике и рост противоречий по стратегическим вопросам сотрудничества (особенно в торгово-промышленной сфере) между США и Канадой при администрации Д. Трампа.

В свою очередь, Соединенные Штаты Америки (совместно со своим ближайшим союзником – Великобританией) ищут пути наращивания потенциала для реализации A2 / AD в случае необходимости, что осуществляется в рамках трех основных направлений.

Первое – это расширение военного присутствия Соединенных Штатов в Норвегии. В 2017 г. на территории королевства были развернуты 330 морских пехотинцев США (две роты), а к сентябрю 2018 г. их численность увеличилась до 700⁶ (четыре роты и управление батальонной тактической группы). Следует обратить внимание, что развертывание производится на двусторонней (т.е. формально вне НАТО) основе по просьбе правительства Норвегии к Белому дому. Размещение (с ротацией каждые девять месяцев) БТГ Корпуса морской пехоты США во взаимодействии с норвежскими войсками в Финмарке направлено на увеличение возможностей совместной группировки до уровня 61-й бригады морской пехоты ВС РФ, дислоцированной на Кольском п-ове.

Сам факт двукратного роста военного присутствия США показателен – тем более в условиях Арктики. На этом направлении хорошо подготовленные рота или батальон выполняют по объему и географическому охвату задачи, решаемые в «обычных» (с природно-климатической точки зрения) условиях бригадой или корпусом. При этом, в отличие от других направ-

¹ Ледокольный флот России // Politforums.net. – Режим доступа: <https://www.politforums.net/internal/1531741110.html>

² В Арктике развернули глубоководную дивизию, которая будет решать не только военные, но и гражданские задачи. – Режим доступа: <https://iz.ru/728383/nikolai-surkov-aleksei-ramm-evgenii-dmitriev/glubokovodnye-voiska>

³ Концепция воспрещения или ограничения доступа противника. – *Прим. авт.*

⁴ Greenland population. – Режим доступа: <http://www.worldometers.info/world-population/greenland-population/>

⁵ Joint Arctic Command. – Режим доступа: <https://www2.forsvaret.dk/eng/Organisation/ArcticCommand/Pages/ArcticCommand.aspx>

⁶ Norway to Host 700 American Soldiers. – Режим доступа: <http://norwaytoday.info/news/norway-host-700-american-soldiers/>

лений, – в частности восточноевропейского, – те подразделения и части, которые успешно не прошли акклиматизацию в Арктике, могут быстро потерять свою боеспособность в полевых условиях.

В связи с этим показательно *второе* направление деятельности США и их партнеров – расширение объемов военно-тренировочной деятельности, все большее число мероприятий которой проводится в самых северных районах Норвегии (Финнмарк) и прилегающих акваториях. С 25 октября по 7 ноября 2017 г. там проходили учения «Trident Juncture 2018» с участием более чем 40 тыс. военнослужащих стран – участниц НАТО, 100 боевых самолетов и порядка 40 кораблей¹. Де-факто это означает отработку использования в Арктике огромной межвидовой группировки (включающей полноценное авиационное крыло и оперативную эскадру) корпусного уровня. Она потенциально способна создать угрозу Кольскому п-ову, т.е. критически значимому субрегиону с точки зрения базирования ВМФ РФ в Арктике. Вместе с тем нельзя не учитывать, что в случае масштабного военно-политического кризиса в отношениях России и Запада большая часть участвовавших в «Trident Juncture 2018» войск будет задействована с высокой долей вероятности отнюдь не в Арктике, а в Восточной Европе. Поэтому учения пока скорее являются декларацией о намерениях создать потенциал для A2 / AD, чем демонстрацией реальной возможности сделать это.

В связи с этим значимыми являются ежегодные учения самих норвежских вооруженных сил, которые все чаще проводятся именно в Финнмарке. Параллельно возрастает их объем и, что, не менее важно, степень интернационализации. Так, если в учениях «Joint Viking» в 2015 г. принимали участие 5 тыс. норвежских военных, то в 2017 г. – уже 7,5 тыс. (или почти 40% вооруженных сил королевства) и 700 солдат и офицеров ВМС и армии США и Великобритании, причем последние были переданы под командование ВС Норвегии² (!). Этот уникальный для войск Соединенных Штатов факт показывает, сколь сильно официальный Вашингтон заинтересован в перенимании норвежского опыта по использованию группировок войск в условиях

Крайнего Севера и совместном выстраивании сдерживания России. Однако при всей готовности властей в Осло к сотрудничеству с США и Великобританией нельзя не признать количественную ограниченность объемов военного потенциала Норвегии.

Поэтому все более значимым для Белого дома становится *третье* направление – это углубление практического сотрудничества США и Великобритании с малыми и средними европейскими государствами – членами НАТО в Арктическом регионе – в частности с Нидерландами. Королевство располагает сбалансированными ВМС (имеющими на вооружении четыре ПЛ, шесть фрегатов и десять минных тральщиков), интенсивность пребывания которых в субарктических акваториях с 2018 г. резко возросла. Голландские военные суда (как надводные, так и подводные) могут существенно усилить военноморскую группировку США, Великобритании и Норвегии в Норвежском море как «ядра» сил сдерживания Северного флота РФ. Примечательно, что именно Нидерланды стали формальным инициатором мощной информационной атаки против РФ в октябре 2018 г.: Россия была обвинена в провоцировании стран – участниц НАТО во время проведения ими учений в Арктике³. При этом, разумеется, был обойден молчанием факт проведения основной массы учений в непосредственной близости от морских границ РФ.

США и Великобритания избрали стратегию максимально быстрого «движения вдогонку» России, основанную на реализации в основном симметричных мер, что ведет к росту напряженности в Арктике. Однако эта линия сталкивается с рядом масштабных трудностей: во-первых, временным отставанием (в известной мере кроме Норвегии) от России в деле обеспечения военного и военнотранспортного присутствия в Арктике. Во-вторых, проблемным является согласование позиций США с Канадой и Данией, а потому в обозримой перспективе Белый дом будет продолжать развивать военное сотрудничество в Арктике преимущественно на двусторонней основе (а не на площадке НАТО).

¹ 24 th Marine Expeditionary Unit will head to Norway to join 40,000 troops strong NATO exercise. – Режим доступа: <https://www.marinecorpstimes.com/news/your-marine-corps/2018/09/06/24th-marine-expeditionary-unit-will-head-to-norway-to-join-40000-troops-strong-nato-exercise/>

² Joint Viking 2017. – Режим доступа: <https://forsvaret.no/en/exercise-and-operations/exercises/joint-viking>

³ Нидерланды обвинили Россию в провокациях на учениях НАТО в Арктике. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20181015/1530642359.html?inj=1>

ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ И КРИЗИС СТАРОГО МИРОПОРЯДКА

*Андрей Белинский,
старший научный сотрудник ИНИОН РАН*

Ключевые слова: Правый популизм, праворадикальные популистские партии, референдум, архитектура евро-атлантической безопасности.

Успехи праворадикальных популистских партий и движений по обе стороны Атлантики за последние четыре года наглядно продемонстрировали, что популизм, используя терминологию В.И. Ленина, «это всерьез и надолго». В США, Австрии, Польше и Венгрии праворадикальные популисты пришли к власти. Их единомышленники во Франции и Германии («Национальный фронт» и «Альтернатива для Германии» (АдГ)) значительно усилили свои позиции, хотя в ближайшей перспективе практически не имеют шансов войти в правительство. Но главное состоит в том, что, будучи во власти или оставаясь в оппозиции, праворадикальные популистские партии и ключевые политики оказывают влияние на общий политический расклад сил и на общественные настроения. При этом, как показывает практика, старые стратегии противодействия, такие как создание «санитарного кордона», замалчивание или демонизация политических оппонентов не приносят нужного эффекта. Гораздо более эффективным нам представляется критический анализ программ правопопулистских партий по таким вопросам как: 1) политическая система; 2) социально-экономическая программа; 3) миграционная политика; 4) международные отношения и особенно система евро-атлантической безопасности. Именно такой подход позволит объективно оценить все риски, исходящие от правопопулистских идей.

Праворадикальный популизм: Судьба демократических институтов

Одним из ключевых тезисов праворадикального популизма является утверждение о том, что существующая модель либеральной демократии, переживает кризис, поскольку правящая политическая элита не разделяет интересов народа. Проблеме «представительского разрыва»¹ между элитами и обществом, который действительно имеет место быть, правопопулистские партии предлагают решать путем расширения прямой демократии и

проведения референдумов по швейцарскому образцу. Так в предвыборной программе «Австрийской партии свободы», было отмечено, что «...прямая демократия – лучший путь для того, чтобы вернуть доверие к политике, а также реализовать те меры, которые блокировались бенефициарами этой крайне нуждающейся в реформах системы»². Такой же точки зрения придерживаются и «Национальный фронт», и «Альтернатива для Германии».

И хотя, на первый взгляд, требование популистских партий о применении практики референдумов выглядит более чем демократично, в тоже время при определенных обстоятельствах может представлять серьезную угрозу для либеральной демократии.

Во-первых, как уже отмечалось выше, в программных документах праворадикальных популистских партий нет четкого обозначения круга вопросов, которые должны выноситься на референдум. Опасность этого заключается в «выхолащивании» демократических принципов и институтов. А оно будет абсолютно неизбежным, поскольку в случае реализации планов праворадикальных популистов любое решение парламента может быть заблокировано посредством референдума (Veto – Volksabstimmung), что неизбежно ведет к дискредитации партий и института парламента.

Во-вторых, референдумы дают прекрасную возможность таким политикам как Г. Вилдерс или М. Ле Пен реализовать свои идеи. В связи с этим исследователь австрийского правого популизма Х.-Х. Шарзах отмечал: «Референдумы и народные опросы подходят как ни один другой инструмент для эмоционализации политики, мобилизации своих сторонников, для подтверждения или укрепления своей власти»³. При этом сама процедура референдума предполагает упрощенную форму выбора только между двумя опциями (да / нет, поддерживаю / не поддерживаю). Именно поэтому праворадикальному популизму довольно часто удается представить референдум не искушенным в тонкостях

² Freiheitliches Wahlprogramm zur Nationalratswahl 2017. – Österreich: FPÖ-Bildungsinstitut Wien, 2017. – 29 S. – Mode of access: https://www.fpoe.at/fileadmin/user_upload/Wahlprogramm_8_9_low.pdf.6

³ Schrsach H.-H. Stille Machtergreifung. Hofer, Strache und die Burschenschaften. Verlag Kremayr&Scheriau GmbH & Co. KG, Wien 2017 S.72.

¹ Речь идет о том, что парламент, партии и политическая элита все меньше выражают интересы общества. – *Прим. авт.*

электоральных процедур массам, чье мировоззрение, как правило, колеблется между двумя полюсами, как экзистенциональную битву между «добром» и «злом», «справедливостью» и «обманом».

В-третьих, все эксперты сходятся в том, что в последние десятилетия политика под влиянием таких факторов как глобализация, возникновение новых вызовов (терроризм, миграция и т.д.) становится все сложнее. При этом международные отношения или вопросы обороны требуют значительно больше времени и сил, чем прежде.

В-четвертых, референдумы и плебисциты, вопреки распространенному стереотипу, далеко не всегда отражают волю всего народа. В Швейцарии, которую традиционно приводят в качестве эталона «прямой демократии» праворадикальные популисты, относительно высокая явка обеспечивается проведением сразу нескольких референдумов в стране, в то время как в среднем она составляет лишь 15–30%. Таким образом, идея увеличения числа референдумов имеет своей целью не защиту прав граждан, а реализацию программных установок правых популистов (например, выход из ЕС), которая может серьезно дестабилизировать существующую политическую систему.

Социально-экономические модели праворадикальных популистов:

Между антикапитализмом и неолиберализмом

Не меньшую угрозу в себе таят социально-экономические требования «новых правых», на программные документы которых большой отпечаток наложил неолиберализм, в частности Австрийская экономическая школа¹.

Именно предлагаемые «Альтернативой для Германии» и «Австрийской партией свободы» меры по оздоровлению экономики на самом деле могут привести к обратному эффекту и поставить под угрозу социальную стабильность. Будучи ограниченными рамками статьи, мы остановились только на ключевых аспектах их социально-экономических программ: роль государства в экономике, налоговая политика и политика в сфере труда.

С точки зрения австрийских и германских «новых правых», институт современного государства с его якобы непомерно раздутым штатом чиновников слишком сильно вмешивается в экономическую

сферу, что самым негативным образом сказывается на ведении бизнеса, тормозит частную инициативу и приводит к необоснованному росту государственных расходов. Однако подобного рода выводы представляются нам более чем сомнительными, поскольку социально-экономическая ситуация и в Австрии, и в ФРГ вопреки той алармистской картине, которую так часто любят рисовать представители радикально-рыночного крыла популистских партий, выглядит относительно устойчивой. В то же время история убедительно показала, что радикальное дерегулирование экономики, которое проводилась М. Тэтчер в Великобритании и Р. Рейганом в США в 1980-е годы, привело не только к усилению социального расслоения, но и стало глубинной причиной мирового экономического кризиса (с 2008 г.). Неолиберальный подход к решению экономических проблем проявляется и в таких вопросах как налогообложение и политика в отношении рынка труда. В предвыборной программе «Австрийской партии свободы» указаны следующие меры: сокращение налогов и отчислений до 40%², упрощение налогообложения, упразднение «холодной прогрессии»³ [Freiheitliches Wahlprogramm, 2017, S. 9]. С одной стороны, эта мера позволила бы привлечь дополнительные инвестиции, но с другой – лишила бы правительства столь необходимых налоговых поступлений. Не менее спорными являются и такие предложения, как отмена налога на наследство и отказ от обязательного членства в профсоюзах, поскольку эти меры пойдут в большей степени на пользу сверхбогатым и крупным компаниям⁴. В связи с этим директор Института макроэкономики Г. Хорн отмечал: «Фатально то, что “Альтернатива для Германии” с самого начала проводит программу, направленную на уничтожение благосостояния широких групп населения»⁵.

«Чужие здесь не ходят!» – проблема миграции и праворадикальные популисты

Миграционная тематика занимает традиционно центральное место в программах всех праворадикальных популистских партий. Однако радикализация мигрантской молодежи, кровавые теракты в

² В настоящий момент общая налоговая ставка на прибыль предприятий составляет в Австрии около 52%. – *Прим. авт.*

³ Холодная прогрессия – фактическое увеличение ставки налога, когда например, вследствие инфляции увеличивается облагаемая номинальная сумма, а вместе с тем осуществляется переход к более высоким налоговым ставкам. – *Прим. авт.*

⁴ С нашей точки зрения, гораздо более продуктивным было бы введение дифференцированного подхода, в основу которого была бы положена оценка стоимости наследуемого имущества.

⁵ Warum das Wirtschaftsprogramm der AfD Wohlstand vernichtet // Business Insider Deutschland. – 2016. – 14.03. – Mode of access: <https://www.businessinsider.de/das-wirtschaftsprogramm-der-afd-im-kern-neoliberal-nationalistisch-2016-3>

¹ При этом нужно отметить, что в этих партиях существуют два течения, которые можно условно обозначить как (нео)либеральное и социал-популистское. Если первое выступает за экономический либерализм, дерегуляцию экономики, приватизацию государственных предприятий, то вторые – за увеличение социальных расходов, и даже за ограничение капитализма. Однако в силу того, что партийное руководство в целом ориентируется на интересы национального крупного и среднего бизнеса, то программы праворадикальных популистских партий имеют отчетливый (нео)либеральный характер. – *Прим. авт.*

Париже, Брюсселе, Берлине и, наконец, начавшийся в 2015 г. миграционный кризис, наглядно продемонстрировали туловищность нынешней политики «мультикультурализма», и заставляют по-иному взглянуть на программы «Национального фронта» или «Альтернативы для Германии».

В первую очередь, стоит отметить, что именно правые популисты вернули в политический дискурс такие ранее табуированные темы как необходимость защиты национальной идентичности, культуры, т.е. всего того, что совсем недавно подвергалось критике либеральным и левоцентристским истеблишментом и журналистами как «пережиток прошлого» и «наследие колониализма». В условиях, когда «мультикультурализм» не столько объединяет общество, сколько раскалывает его, создавая национальные гетто, реализация концепции ведущей культуры (*Leitkultur – нем.*) могла бы стать столь необходимым цементирующим элементом.

Не менее жесткую позицию правые популисты занимают и в отношении миграции из стран Ближнего Востока «Беспрепятственной и неограниченной миграции, которая происходила в последние годы, должен быть положен конец», – указывалось в программных установках «Австрийской партии свободы»¹. Ключ к решению данной проблемы, по мнению лидеров правых популистов, заключается в закрытии «балканского маршрута», усилении пограничного контроля в Средиземном море, а в случае необходимости – закрытии внутренних границ стран – участниц ЕС для беженцев.

При этом правые ратуют за введение австралийской и канадской моделей миграционной политики, в основу которых положен принцип привлечения лишь высококвалифицированных специалистов вместо масс экономических беженцев. Подобные меры уже начинают реализовываться в последние годы в Дании, где правительство взяло курс на ужесточение миграционной политики.

«Дом, разделившийся в себе, не устоит» – правый популизм и угроза европейской и трансатлантической безопасности

Главную опасность правый популизм представляет именно для системы евро-атлантической безопасности. Те планы, которые праворадикальные популисты намерены реализовать в случае своего прихода к власти, могут нанести серьезный удар по всей архитектуре евро-атлантической безопасности и обнулить тот прогресс, который был достигнут в деле институционализации сотрудничества в этой сфере странами так называемого коллективного Запада.

Ядро внешнеполитической программы праворадикальных популистов определяется тремя положениями:

1) выход из состава ЕС (в более мягком варианте существенные ограничения полномочий объединения в отношении национальных государств);

2) отказ от подписания таких торговых договоров, как Трансатлантическое соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и США (ТТИП / ТТIP), Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение между ЕС и Канадой (СЕТА);

3) реформирование НАТО (в пользу уменьшения компетенций военного и политического комитетов организации) или даже выход из состава Альянса.

Реализация любого из этих требований, даже одним государством, может привести к серьезным изменениям в евро-атлантической региональной подсистеме. Выход из состава ЕС посредством референдума, что наглядно показал пример Брекзита (с 2016 г.), или отказ от евро может иметь весьма негативные последствия для экономики как самой страны-инициатора, так и для всего континента. Однако существенно большими, чем экономические издержки, могут стать политические последствия выхода ведущих стран из ЕС. В эпоху, когда усиление кооперации между различными странами, формирование экономических и военно-политических союзов является залогом выживания и дальнейшего развития для абсолютного большинства стран – участниц евро-атлантической региональной подсистемы, распад ЕС может привести к тому, что Старый Свет утратит субъектность в мировой политике. Ни у Великобритании, ни у Франции, ни у ФРГ недостаточно ресурсов, чтобы в одиночку решать глобальные проблемы (миграция, борьба с терроризмом, защита национальной экономики от конкуренции со стороны США и Китая).

Не меньшую опасность для Европы представляет требование о выходе из НАТО («Национальный фронт») или ограничение полномочий Альянса («Альтернатива для Германии») вкупе с отказом от идеи европейской армии. Это может подвергнуть евро-атлантическую архитектуру безопасности серьезному риску, поскольку Старый Свет может лишиться инструмента, столь необходимого для разрешения таких проблем как терроризм, нелегальная миграция, защита внешних границ. Не выдерживает критики и призыв праворадикальных популистов отказаться от использования вооруженных сил за пределами Европы. Значение военных операций в беспокойных регионах (как, например, в Мали или Афганистане) заключается в том, что они направлены на борьбу с исламским экстремизмом, стабилизацию ситуации и потенциальное возвращение беженцев в страны, ставшие на путь постконфликтного развития.

Превратившись в серьезную силу, правый популизм начинает воздействовать на политическую систему, курс «старых» партий, настроения в ис-

¹Freiheitliches Wahlprogramm zur Nationalratswahl 2017. – Österreich: FPÖ-Bildungsinstitut Wien, 2017. – 29 S. – Mode of access: https://www.fpoe.at/fileadmin/user_upload/Wahlprogramm_8_9_low.pdf

теблишменте государств Европы и мира. Однако насколько эффективны предлагаемые праворадикальными популистами решения накопившихся проблем? Анализ основных программных документов правопопулистских партий наглядно демонстрирует, что дать однозначный ответ на этот вопрос будет крайне сложно. Основные требования этих партий содержат положения, которые несут как риски, так и возможности для либеральной демократии и сложившегося миропорядка. Главная угроза, которую несет в себе праворадикальный

популизм, заключается в ослаблении или дискредитации демократических институтов (парламент, законодательная власть в целом, партии), усилении авторитарных тенденций в политике, расколе общества. Вместе с тем необходимость ограничения миграции, борьба с преступностью, защита национальной культуры, которая всегда составляла «ядро» национально-государственной идентичности, сегодня прочно вошли в риторику (а местами – и на практике) основных политических партий.

«МЯГКАЯ СИЛА» СЕТЕВЫХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ключевые слова: «Мягкая сила», терроризм, «Исламское государство», борьба с терроризмом, политика, безопасность.

Одним из основных факторов, придающих, наряду с контрабандой нефти и культурных ценностей, устойчивость существованию таких террористических группировок как «Исламское государство» (ИГ), «Аль-Каида» (действовавшая в Сирии сначала под названием Джабхат-ан-Нусра, а затем Хайят Тахрир аш-Шам), «Братья-мусульмане» и Талибан – это их собственная система идеологии и пропаганды, которую в последнее время все чаще принято называть «мягкой силой» исламистов. Благодаря отлично выстроенной идеологической, агитационной и пропагандистской работе вербовщики ИГ, Талибана, «Аль-Каиды» вовлекают в свою деятельность молодежь (не только мусульманскую, но и новообращенных из числа христиан), восполняют боевые потери в живой силе, нанимают специалистов в области ведения информационных войн и киберразведки, экономики, нефтедобычи и освоения недр, государственного администрирования и местного самоуправления. Именно благодаря собственной модели, формату «мягкой силы» исламисты из ИГ, «Аль-Каиды» и

других группировок могут годами вести вооруженную открытую или диверсионно-партизанскую войну против всего западного мира, ежедневно восполняя свои ресурсы за счет помощи разделяющих их взгляды и политическую позицию политических партий, движений, общественных объединений, диаспор, легально действующих по всему миру. Особенно этим отличаются «Братья-мусульмане», которые активно вовлекают в свои ряды высокообразованную интеллигенцию, университетских профессоров, ведущих ученых, аналитиков, представителей национальных политических элит, используя их в качестве агентов и каналов распространения «мягкой силы», а также для разработки новых моделей идеологического, ценностного, пропагандистского воздействия на индивидуальное и массовое сознание граждан в различных странах мира.

«Мягкой силой» идеологическое воздействие исламистов можно назвать потому, что значительную часть молодых членов этих группировок привело к джихадистам увлечение их мировоззренческими установками, ценностями, взглядами на мир и на наиболее острые его проблемы (среди которых самыми серьезными являются проблемы социально-политического неравенства, нищеты, отсутствие

Андрей Манойло,

*ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН,
профессор кафедры российской политики МГУ*

социальных лифтов), а также уверенность этих группировок в собственных силах и способности эти проблемы решить. В идеологии всех группировок – и Талибана, и «Аль-Каиды», и ИГ, и «Братьев-Мусульман», сильно замешанной на исламизме и исламском модернизме, активно используются такие понятия, как социальная справедливость, равенство, отсутствие сословных, родовых, племенных различий, братство, взаимопомощь и взаимная поддержка в любом деле (т.е. коллективизм). Если «Аль-Каида» и Талибан терпимо относятся к социальному неравенству, то ИГ активно выступает за устранение социального неравенства в принципе и обеспечение каждому своему стороннику равенства возможностей, при условии, что он будет полностью следовать образу жизни, специальным нормам и канонам, установленным в ИГ.

Значительную роль в притяжении «мягкой силы» того же ИГ играет построенное исламистами на захваченных территориях особого социального сообщества, в котором принципы социальной справедливости – в том виде, в котором их понимают идеологи ИГ – наряду с канонами ислама салафитского толка, являются одним из главных регуляторов общественных отношений. Молодым людям, завербованным игиловскими агитаторами, внушается, что они будут жить пусть в жестком, но справедливом мире, где справедливость одна и для богатых, и для бедных, и для полевых командиров, и для рядовых моджахедов, и этого оказывается для многих достаточным для того, чтобы покинуть родной дом и отправиться воевать на стороне ИГ в Ливию, Египет, Сирию или Ирак.

Многолетняя практика борьбы с идеологической работой экстремистов показывает, что призыв к абсолютной справедливости, равенству и братству нисколько не утратил своей притягательности: в ИГ идут не только молодые люди из низших, беднейших слоев общества, где с момента рождения у них не было и никогда не будет никаких жизненных перспектив, но и дети богатых родителей, которые на волне эмоционального порыва, поддерживаемого на должном уровне «мягкой силой» исламистов, отдают все свое имущество (деньги, недвижимость, дорогие машины, ценные бумаги и т.д.) в собственность ИГ и становятся такими же нищими, как и моджахеды, пришедшие в ИГ из дальних аулов. Этот феномен никто из политологов не может толком объяснить, потому что его природа лежит в особом роде притягательности самой «мягкой силы». У исламистов ИГ «мягкая сила», безусловно, есть.

Своя модель «мягкой силы» есть у каждой из перечисленных выше террористических организаций: ИГ, «Аль-Каиды», Талибана, «Братьев-мусульман». Основой для всех этих моделей выступает радикальный исламизм, как правило салафитского толка. Однако помимо исламизма, в этих моделях присутствуют совершенно различные принципы и механизмы

воздействия на индивидуальное и массовое сознание: у каждой модели есть свои индивидуальные особенности и различия, определяемые, с одной стороны, конкретными целями и задачами каждой из террористических организаций, с другой – кадрами, отвечающими за идеологию и пропаганду.

ИГ строит свою идеологическую работу на пропаганде достоинств «нового свободного и справедливого общества» – всемирного исламского халифата, который они строят на захваченных землях Сирии и Ирака. Стержневым концептом их идеологии и «мягкой силы» является принцип справедливости, защитником которого они выступают (по их собственному мнению, разумеется). ИГ выступает за общество равных возможностей, устранение любых сословных барьеров и за примат принципа справедливости в любой сфере общественных отношений. Их идеологические призывы, после удаления налета исламизма, выглядят вполне по-светски и несут в себе посылы, понятные даже безграмотному крестьянину или скотоводу: «землю – крестьянам!», «фабрики – рабочим!», «воду – матросам!», «капиталистов – на вилы!» и т.д. Не случайно ИГ называют «неотроцкистами», отмечают революционный характер их идеологии и самой организации и пытаются (особенно в Турции и странах Персидского залива) выдать террористическую деятельность ИГ за «великую суннитскую революцию», «суннитское освободительное восстание». Такой характер идеологии ИГ, вероятно, связан с тем, что ее разрабатывали не джихадисты и радикальные суннитские проповедники: при образовании в 2006 г. ИГ (на базе иракской ячейки «Аль-Каиды», при координирующем участии ЦРУ) в его состав влилось 12 суннитских группировок, воевавших против оккупировавших страну войск США и НАТО, которые состояли из бывших солдат и офицеров армии С. Хусейна и бывших чиновников партии БААС. Вероятнее всего, именно они разработали для ИГ псевдоревolutionную идеологию, довольно много взявшую у идеологии БААС, арабского возрождения и панарабизма. Здесь, кстати, прослеживается и советская школа идеологической работы: пропагандисты ИГ часто говорят о том, что в борьбе за справедливо устроенный мир они просто сменили распавшийся Советский Союз, который до своей кончины твердо удерживал знамя борьбы за справедливость, равенство, братство. Однако в 1991 г. СССР не стало, Российская Федерация оказалась занята своими проблемами – ей стало не до борьбы за справедливое мироустройство, а затем и вообще пошла по пути капитализма; в результате, по словам игиловцев, в мире просто обязан был возникнуть преемник СССР, и этим приемником стал ИГ. В этих умозаключениях лидеров ИГ прослеживается связь с образом Советского Союза. И это неслучайно: многие чиновники администрации С. Хусейна, также как и военные, получили образование именно в Советском Союзе.

Довольно сложная мозаичная картина возникает, когда пытаешься разобраться с идеологией и «мягкой силой» Талибана. Идеология Талибана сегодня неоднородна – она напоминает «слоеный пирог», состоящий из трех слоев, или уровней. Причем каждому из этих уровней соответствуют свои идеологические основания и своя идеологическая концепция. Связано это даже не с тем, что пакистанские талибы отличаются от талибов афганских, и не с тем, что основу боевых формирований Талибана – движения, не являющегося национальным, например пуштунским, – составляют именно пуштуны, пакистанские и афганские, представленные сотней различных племен; а с тем, что движение Талибан сегодня переживает поколенческий кризис, в нем явно присутствует три различных поколения лидеров, и эти поколения придерживаются разных ценностей и взглядов на мир. Это порождает кризис, который сказывается на всех сферах деятельности Талибана, в том числе и на сфере идеологии. Поэтому идеология и «мягкая сила» талибов «многослойна».

Первое, самое старшее поколение талибов представлено полевыми командирами моджахедов, которые воевали еще с Советским Союзом, а затем и с Северным Альянсом. Это такие фигуры как мулла Омар (мулла Умар), сообщения о предположительной гибели которого появились несколько лет назад. Эти лидеры в годы молодости были настроены непримиримо по отношению к своим противникам, как к «иностранным захватчикам», так и к оппонентам внутри страны, сегодня все они уже пожилые люди и понимают, что вся жизнь их прошла в боях и походах, а возможности насладиться богатством и высоким положением у них, по сути, и не было. В силу этих причин (желания встретить старость в покое и комфорте) они теперь настроены достаточно миролюбиво и примирительно и сдерживают энтузиазм более молодого поколения полевых командиров, стремящихся продолжать войну против «крестоносцев» и их пособников. Эти фигуры все еще обладают властью, но вызывают острое недовольство молодого поколения моджахедов, среди которых стремительно наблюдается популярность джихадизм, наподобие того, который проповедуют агитаторы ИГ.

Второе поколение талибов состоит из полевых командиров, примкнувших к движению Талибан во время его борьбы с Северным Альянсом, но еще задолго до начала вторжения США и НАТО в Афганистан. Основной идеологией этого поколения полевых командиров и боевиков является патриотизм: они видят цель и смысл жизни в борьбе с иноземными захватчиками и считают, что война закончится, если последний иноземный солдат покинет землю Афганистана или будет уничтожен. Для них самое главное в войне – это защита национальных интересов Афганистана. Это – национально ориентированные деятели, они находятся в непримиримой вражде с джихадистами из ИГ и других подобного

рода группировок, для которых национальные интересы, суверенитет и границы любого государства – ничто, а всемирный джихад – единственная цель своего существования. Идеология и «мягкая сила» этой категории талибов носит ярко выраженный национально-государственный характер.

Третье поколение талибов – это молодые боевики, родившиеся и выросшие в условиях перманентной войны всех против всех в Афганистане и примкнувшие к движению Талибан уже после начала борьбы с KFOR. Это, в основном, убежденные джихадисты, симпатизирующие ИГ и видящие именно в ИГ пример организации истинного исламистского государства. Их идеология и ценности ничем не отличаются от идеологии ИГ. Они готовы признать верховенство ИГ, но этому препятствуют полевые командиры более старшего поколения – те, кто стоят на национально-государственных и национально-патриотических позициях и для кого война всегда была и остается внутренним делом самого Афганистана. Для молодежи талибов, зараженных вирусом джихадизма, представители старшего поколения командиров Талибана – явная и досадная помеха, которую следует устранить в интересах «великой суннитской революции», ведущейся арабскими «братьями» из ИГ.

Эти поколенческие особенности современного кадрового состава Талибана и определяют общий характер их идеологии и «мягкой силы»: в идеологии талибов ярко выражены точки зрения всех трех поколений, которые даже в рамках одного движения не могут не конфликтовать между собой.

Для практической реализации своей модели «мягкой силы» и идеологического воздействия Талибан, так же как и ИГ, имеет отличный штат агитаторов и пропагандистов: талибы проводят очень сложные информационно-психологические операции, как в публичной сфере, так и в виртуальном интернет-пространстве – блогосфере и социальных сетях. При этом их идеологические кампании нацелены, как правило, на население своих «домашних регионов» – Афганистана и Пакистана, внешне воздействие на население тех стран, где у талибов нет своих интересов, и уж тем более – на международное общественное мнение – их не интересует. Но на уровне местной прессы – телевидения, печатных и электронных изданий, радио – пропагандистская работа у талибов налажена очень хорошо: вещание ведется на большинстве местных и ряде иностранных языков и диалектов. В удаленные поселения регулярно доставляются газеты, брошюры, иные пропагандистские материалы и т.д. Это обеспечивает талибам постоянный приток в их ряды новых поколений молодежи.

Иным образом обстоит дело с идеологией и «мягкой силой» «Аль-Каиды». В отличие от Талибана и ИГ (хотя ИГ и состоит из вилайетов, но ядро у него все равно в Сирии и Ираке), «Аль-Каида» – террористическая организация, построенная по

сетевому принципу и состоящая из отдельных, автономно функционирующих террористических ячеек, обладающих высокой степенью свободы в выборе стратегии, тактики, целей, мишеней и форм осуществления террористических атак. На Аравийском полуострове действует АКАП – «Аль-Каида» на Аравийском полуострове – ее боевое крыло контролирует довольно большой участок территории (с несколькими крупными населенными пунктами) в Йемене. Боевики этой ячейки «Аль-Каиды», вытесненные саудовцами в Йемен из-за угроз организовать в Саудовской Аравии государственный переворот, ведут бои с шиитами-зейдитами («хуситами») и, фактически, содействуют, таким образом, Саудовской Аравии в решении ее военных задач в Йемене: так, «во время посещения города Таиз корреспондент ВВС увидел, как вооруженные силы саудитов [саудовцев. – А.М.] вели бой с хуситами совместно с боевиками “Аль-Каиды”»¹.

В Магрибе и в большей части так называемой французской Африки действует ячейка «Аль-Каида в Магрибе» – на ее счету теракты в столице Мали, в Ливии, в Алжире, планирование террористических атак в Европе. С деятельностью ячейки «Аль-Каиды в Магрибе» некоторые политики связывают организацию террористической атаки на Париж в ночь с 13 на 14 ноября 2015 г.: в частности, именно такое заявление спустя несколько часов после трагедии сделал бывший президент США Б. Обама. Официальная версия произошедшего, которой придерживались французские власти, возлагала ответственность за террористические акты в Париже на ИГ, что подтверждалось официальными заявлениями лидеров ИГ по этому поводу. Между тем сразу после террористических актов в Париже высказывалась версия о том, что атака – это месть туарегов за то, что во время конфликта в Мали французы безжалостно бомбили их города.

В Сирии «Аль-Каида» действует под названием группировка Хайят Тахрир аш-Шам (ХТШ) – это ее боевое крыло. В Ираке местная ячейка «Аль-Каиды» в 2006 г. после слияния с еще двенадцатью радикальными группировками стала называться «Исламское государство Ирака» (теперь это ИГ). Сильные ячейки «Аль-Каиды» действуют в Афганистане и Пакистане, а также в Иордании, где после гибели Усамы бен-Ладена оказалось все высшее руководство «Аль-Каиды» (по национальности в основном это иорданцы). Свои ячейки «Аль-Каиды» существуют в европейских странах, Великобритании, Франции, Германии, Бельгии и не

только. Все они действуют автономно, обладают высокой степенью самостоятельности, в том числе и в плане выработки собственных моделей и концепций идеологии и «мягкой силы».

Идеология «Аль-Каиды», возникшая и сформировавшаяся еще во время войны с СССР в Афганистане, базируется на двух основных тезисах: 1) борьбы против неверных и иноземных захватчиков, которых они называют «крестоносцами», и 2) игнорирования государственных границ и иных формальных разделительных барьеров, определяющих современное мироустройство, в котором основными акторами международных отношений являются национальные государства. «Аль-Каида» по своей природе и форме организации является транснациональной разведывательно-диверсионной и террористической сетью – это своеобразная транснациональная корпорация, цель которой – не извлечение и максимизация прибыли, а политическая трансформация мира; именно поэтому в основе идеологии «Аль-Каиды» лежат их собственные корпоративные ценности, обеспечивающие корпоративную сплоченность всех участников этой сети независимо от географической удаленности ячеек и управляющего центра; и только потом уже на второй план выходят идеологемы панисламизма, джихадизма, борьбы с наступлением христианского мира – с теми самыми «крестоносцами»: Россией, США и ЕС. Все это формирует общий каркас, общую конструкцию модели «мягкой силы» «Аль-Каиды», основанную на отрицании современного миропорядка с национальными государствами и национальными границами и на признании верховенства новых форм квазигосударственных образований – глобальных политических (экстремистских, исламистских, террористических) сетей. Этот каркас региональные ячейки «Аль-Каиды» заполняют собственными смыслами и собственным содержанием, включая туда те послы, которые лучше всего воспринимаются населением каждого конкретного региона. Именно поэтому «мягкая сила» «Аль-Каиды» носит, с одной стороны, мозаичный характер и обладает ярко выраженной региональной спецификой, с другой – она всегда точно настроена на надежды и чаяния населения своего региона и поэтому обладает большим проникающим, убеждающим и стимулирующим действием.

Наиболее тонко в плане построения информационной и пропагандистской работы действуют «Братья-мусульмане» – террористическая группировка, которую многие политики и эксперты почему-то любят называть «мягкими исламистами» – безо всяких оснований, лишь на основании того, что в тех ситуациях, в которых террористы ИГ и «Аль-Каиды» предпочитают идти напролом, «братья-мусульмане» предпочитают подкупать местные элиты и делать то же самое, но чужими руками.

¹ ВВС: Коалиция во главе с Саудовской Аравией воюет в Йемене на стороне «Аль-Каиды». [Электронный документ] / Политика. 2016, 23 фев. URL: <http://novosti-dny.ru/novosti-dnya/politika/43730-vvs-koaliciya-voglave-ssaudovskoy-araviey-voyuet-vyemene-nastorone-al-kaidy-politika.html> (Дата обращения 04.03.2016.)

Отчасти, возможно, это связано с остаточным стрессом, который многие европейские (и не только европейские) политики испытали, когда в Египте в результате законных выборов, отвечающих всем демократическим требованиям, на пост президента страны был избран лидер египетской ячейки «Братьев-мусульман» М. Мурси. В результате многие политические деятели в течение трех лет пребывали в состоянии когнитивного диссонанса: они были вынуждены пожимать руку террористу, который неожиданно для всех стал легитимным президентом Египта. Хотя, по идее, должны были его немедленно арестовать или уничтожить в ходе задержания.

В своей модели «мягкой силы» «Братья-мусульмане», являясь такой же географически распределенной сетевой террористической организацией, как и «Аль-Каида», опираются на собственные корпоративные ценности, важнейшими из которых, после императива «единства всех истинно верующих мусульман», является опора на высокий уровень интеллекта и образования в среде своего руководства, на выработку управленческих решений с использованием ресурсов собственных «фабрик мысли», в которые они привлекают интеллигенцию со всего мусульманского мира. «Братья-мусульмане» действуют через сочувствующих им представителей политических, научных, финансовых элит; их идеология формирует мотивационные потребности у элит и среднего класса, т.е. у тех самых слоев населения, представители которых держат в своих руках реальные рычаги управления теми или иными странами. Поэтому среди руководителей ячеек «Братьев-мусульман» много университетских профессоров и «рафинированной» интеллигенции. Довольно часто «Братья-мусульмане» выделяют из политической среды различных стран наиболее перспективных и талантливых начинающих политиков и делают их своими агентами. Примером такого продвижения может являться М. Мурси, бывший университетским профессором, или нынешний президент Турции Р. Эрдоган, бывший в молодости членом радикальной группировки «Серые волки».

В отличие от других подобного рода организаций, «Братья-мусульмане» имеют собственную внешнеполитическую концепцию, в которую встроены и существующие сегодня национальные государства, и международные организации. В этой концепции ведущая роль отводится форме участия «Братьев-мусульман» в формировании мировой повестки и в решении международных проблем, с которыми «Братья-мусульмане» планируют бороться, создавая под своей эгидой собственные «волевые коалиции». Так, известна ближневосточная инициатива М. Мурси (в бытность его президентом Египта) о создании так называемого «Исламского квартета» для урегулирования Сирийского кризиса; М. Мурси призвал наиболее влиятельные страны региона – Саудовскую Аравию, Турцию, Иран – сформировать военно-полити-

ческий блок для силового пресечения гражданской войны в Сирии¹. Такого рода концепций (по масштабу и качеству проработки) нет ни у ИГ, ни у «Аль-Каиды», ни у Талибана. Главная идеологическая цель ИГ – формирование квазигосударственного образования «всемирный исламский халифат», копирующий мусульманские автократии Средневековья и живущий по средневековым канонам; эта идея – действенная, но совершенно не современная, не ведущая к созданию нового современного государства, способного конкурировать с уже существующими национальными государствами, а следовательно, недолговечного. Национально-государственная доктрина талибов сводится к простой формуле «страна без крестоносцев» и не предусматривает какое-либо изменение государственных границ Афганистана, только смену формы правления и существующего в стране на данный момент политического режима. «Аль-Каида» отрицает значение границ и суверенитет национальных государств, утверждая, что ее террористическая сеть по определению является экстерриториальной и не признает демаркационные и разграничительные линии, проведенные «крестоносцами» для определения территориальных границ наций-государств.

Именно с такими моделями «мягкой силы» различных террористических организаций приходится бороться Российской Федерации на различных фронтах, как виртуальных, так и вполне реальных, таких как война в Сирии. При этом в контридеологической борьбе против исламистских группировок, ИГ и «Аль-Каиды», Россия использует собственную модель «мягкой силы», основанную на твердой решимости отстаивать законные права народов самим выбирать свою судьбу и тех лидеров, которые будут управлять государством; в этом плане российская «мягкая сила» также основана на понятии справедливости, но справедливости, принципиальным образом отличающейся от того, что понимают под ней исламисты, «приватизировавшие» общее достояние – справедливость – и сделавшие ее доступной только для ограниченного круга «своих». Когда сирийские граждане в благодарность за мир и свободу, которые им принесли российские военные, называют своих детей русскими именами или дают им такие имена как «Россия», «Армия», когда сирийские солдаты ходят с футболками с изображением нашего летчика, геройски погибшего, защищая сирийский народ, все это – тоже российская «мягкая сила».

¹Мурси предложил создать «мусульманский квартет». [Электронный документ] / Исламский мир. URL: <http://islamtv.ru/news-2076.html> (Дата обращения 14.11.2018.)

Бюллетень публикуется Отделом проблем европейской безопасности Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН с целью способствовать развитию конструктивного диалога по проблемам безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и не обязательно совпадают с позицией ИНИОН РАН.

Редакционный совет:

Академик В.Г. Барановский

Генерал-майор в отставке В.З. Дворкин

Д-р полит. наук Д.В. Ефременко

Д-р полит. наук А.И. Никитин

Канд. истор. наук А.В. Загорский

Главный редактор – канд. истор. наук Т.Г. Пархалина

Ответственный секретарь – Т.В. Арзаманова

www адрес:

http://www.inion.ru/index.php?page_id=487

всего выпусков: 63 (на конец 2017)

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-2172